

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1993 г. ОРЛОВ Г.А.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(По материалам англоязычной лингвистической литературы)

Рубеж семидесятых-восемидесятых годов в мировой лингвистике ознаменовался не только расширением количества исследований живой литературно-разговорной речи (ЛРР), и в частности английской [standard educated colloquial English (SECE)], но и попытками углубленного анализа ее природы, структуры и наиболее существенных особенностей функционирования, рассматриваемых с позиций междисциплинарного комплексного подхода. В основе анализа оказываются такие кардинальные проблемы, как место и роль SECE в системе национального языка и в круге соотносительных понятий, типа standard English и sub-standard varieties; идентификация и конституирование SECE (и как системы и как типа речи) на основе интеграции внешних (социопсихолингвистических), экстралингвистических (микрокоммуникативных) и интралингвистических речеобразующих факторов; обоснование и формулирование правил речевого поведения (conversational strategies, conversational behaviour); попытки установления и описания глубинных речеобразующих факторов, лежащих в основе выбора MESE (modern educated southern English): SECE коммуникантами и функционирования последнего в условиях интеракционного и транзакционного общения и др.

Попытки идентификации SECE как системной разновидности нормированного ("стандартного") английского языка и установления его роли в системе национального языка делаются в книге А. Коумана и Р. Шепарда [1]: "Разговорная форма английского языка, — утверждают авторы, — это языковая разновидность, которую мы используем ныне в повседневной жизни" (с. 165). Полемизируя далее с учеными, считающими разговорную речь явлением, этически сниженным¹ и тематически привязанным к области "быта", они подчеркивают: "Это нормальный английский язык, используемый нами в классной аудитории, в деловом мире, в социальном мире" (с. 165). Авторы склонны рассматривать систему английского этноязыка в качестве некоего континуума, существующего в коммуникативной готовности к использованию в конкретных ситуациях общения, подчеркивая при этом, что «практически невозможно установить границы многогранного употребления английского языка. Мы не в состоянии изолировать слова или фразы, разложить их "по полочкам" и утверждать, что одни из них

¹ Ср., например, утверждение составителей словаря "New Oxford English dictionary", ассоциирующих SECE со сленгом ("Language of a highly colloquial type considered as below the level of standard educated speech") (цит. по [2, с. 105]).

всегда "официальны" (formal), а другие "неофициальны", "разговорны" (informal)» (с. 162). Приводится схема, иллюстрирующая это положение. На ней нет четких границ составляющих этноязыка, но рельефно выделяются полюса (uneducated, non-standard usage ↔ standard formal usage). Показательно безоговорочное отношение "informal English (usage)" в целом к ареалу "standard English (usage)" и противопоставление его non-standard varieties. При всем разнообразии речевых форм SECE к регламентированным формам MESE тяготеют жанры и композиционные типы официальных (полуофициальных) неподготовленных интервью, непринужденных бесед на специальные темы, монологи типа "инструктаж" (как пройти до места назначения, собрать какой-либо прибор, вычертить или нарисовать какую-либо фигуру, изображение и т.п.). С другой стороны, к вне-литературным формам тяготеют жанры бытовой беседы, бытийного рассказа о случившемся (особенно на определенную тему, например, пользующуюся предпочтением в мужской аудитории), некоторые типы светской беседы (small talk) и др. Вслед за У. Лабовым, П. Традгиллом авторы отвергают мнение о вне-литературных формах как недостойном объекте исследований (в связи с их "нестандартностью"), подчеркивая, что "ничего плохого" в них нет. Эти формы "...ничуть не хуже и не менее точны, чем standard English. Просто это другие формы" [1, с. 163]. Более глубокому пониманию авторских представлений о структуре и функционировании составляющих standard, informal, non-standard English способствует репрезентативный набор речевых иллюстраций. Так, разговорные формы, в частности, представлены в непринужденном рассказе Н. Армстронга о высадке на Луну; в краткой речи У. Черчилля, приуроченной к эвакуации английских войск из Дюнкерка 4-го июня 1940 г. (пример standard English-formal). Несмотря на облегченную (популярную) форму изложения, некоторую непоследовательность (игнорирование положений об ареальных различиях British/American/Australian English, опущение трактовки ряда поднимаемых проблем), авторам удается углубить понимание сути английской разговорной речи как целостного явления. Идея "стандартности" SECE, ее нормированности прослеживается в целом ряде исследований Д. Кристала и Д. Дейви [3], Р. Куэрка [4], Р. Бэрчфилда [5, 6], Р. Фейсолда [7], П. Традгилла и Дж. Ханна [8], Д. Аберкромби [9], сборниках под редакцией Дж. Ричардса и Р. Шмидта [10] и Дж. Лейвера и С. Хатчесона [11] и в особенности всесторонне обосновывается в работах Дж. Браун [12–14], не говоря уже об упоминании этих положений или трактовке собственных представлений о SECE с иных позиций у представителей различных научных направлений, опирающихся, однако, так или иначе на концепции его литературности.

Признавая своевременным и актуальным описание основ SECE, которое служило бы отправным моментом в практическом овладении живой речью, Д. Кристал и Д. Дейви в своем труде [3] уточняют содержание понятия "conversation" (при этом SECE получает различные названия: "everyday conversation", "conversational English", "conversational speech", "normal language of conversational English", "informal conversation"). «Мы используем термин "informal conversation", – пишут они, – чтобы сосредоточить внимание на той части разговорного спектра, который нас больше всего интересует: это непринужденные разговоры в обстановке, лишенной официальности, между собеседниками, которые знают друг друга, в условиях, когда участники разговора не испытывают никакого внешнего давления, что позволяет им участвовать в беседе, не контролируя свою речь» [3, с. 2]. Предлагаемые ими материалы – записи спонтанной речи, репрезентирующие искомую часть разговорного спектра ("дружеский разговор между людьми аналогичного социального статуса, тематика которого вызывает взаимный интерес").

В работе Д. Кристала и Д. Дейви содержатся теоретические рассуждения и тонкие наблюдения над ошибками в употреблении SECE ("unconscious brick-

dropping"), изучение центральных проблем разговорного синтаксиса, лексики и фонологии SECE и основ "English sociolinguistic technique" наряду с детальным анализом предлагаемых транскриптов SECE (тематически разнообразных и отражающих the British way of life) и учебно-методическими рекомендациями. Принципиально интересны выдвигаемые положения о значении паралингвистических факторов (кинесики, просодии), элементарных правил речевого поведения, в частности, "opening gambits", учета ролевых предписаний, ролевых ожиданий ("getting into tune"). Авторы недвусмысленно раздвигают рамки функционирования SECE (от разговоров о футболе до обмена мнениями о событиях на Кипре), характеризуют наиболее существенные (по их мнению) интралингвистические характеристики SECE (fluency, intelligibility и appropriateness). Последняя в особенности существенна, ибо она связана с наиболее дискуссионными проблемами SECE: наличием/отсутствием нормы, грамматичностью/"неграмматичностью", соотношением лингвистических/экстралингвистических факторов, подробно изучаемых, в частности, в рамках "the ethnography of speaking". Рассматриваемый труд [3], однако, не касается проблем принципиального ограничения SECE от "родственных" феноменов (обиходно-разговорной речи, просторечия), а описываемый набор "детерминантов" в наименьшей степени предвещает и внелитературные речевые произведения. В книге фактически не затрагиваются психолингвистические аспекты проблемы.

Неоднократно возвращается в своих трудах к определению понятия "spoken English" и роли этого феномена в современной вербальной коммуникации Р. Бэрчфилд. Так, в монографии "The English language" [5] он утверждает, что "в своей разговорной форме он [английский язык], существуя в виде региональных акцентных разновидностей, продолжает играть роль эффективного инструмента коммуникации, обеспечивая обмен идеями, ведение бизнеса, ритуализованное общение, а также повседневное будничное общение (small civilities of life)". По его мнению, "... расшифровки современной неподготовленной, неотрепетированной английской разговорной речи достаточно радикально (quite radically) отличаются от жестко регламентированных (rule-governed) форм книжно-письменной речи" [5, с. 4]. В книге уделено достаточно много внимания этим концептам. В другом его труде, являющемся практическим руководством для дикторов Би-Би-Си [6], отчетливо прослеживается мысль о повышении социального престижа SECE, который становится конкурирующей разновидностью standard English в публичном общении наряду с MESE².

Незначительное на первый взгляд замечание о "региональных акцентных разновидностях" фактически имеет глубокую подоплеку, если вспомнить о затнувшейся в Англии дискуссии относительно соотношения понятий standard English/standard pronunciation (RP)³, начавшейся со времени, когда Би-Би-Си (в 1926 г.) в качестве своего первейшего долга провозгласила "отстаивание стандарта spoken English" и попыталась навязать обществу единый произносительный стандарт ("BBC English"). Универсальный процесс демократизации общения (resp. демократизации языка) подвел итог этому спору: ныне носители standard English (resp. SECE) не обязательно должны являться носителями RP: вполне престижны и "стандартны" региональные произносительные нормы (в частности, шотландский вариант) [4, 6].

В ряде работ затрагивается дискуссионная проблема "грамматичности"/"неграмматичности" SECE. "Радикальные отличия" речевых форм SECE, по Р. Бэрчфилду, не означают "неграмматичности" последних. Задавшись вопросом, можно ли описать в терминах грамматики "разговорный дискурс" (ordinary

² Эта мысль, в частности, подробно развивается в исследованиях Дж. Браун ([12-14], ср. [15]), Р. Куэрка [4] и других лингвистов.

³ См. подробнее об этом в работах П. Традгилла и Дж. Ханна [8], Д. Аберкромби [9].

conversational discourse), другой известный лингвист – Р. Фейсолд – отвечает на него утвердительно: "Я полагаю, – пишет он, – что в пользу существования грамматики [разговорного дискурса] говорит то, что те, кто им пользуется, замечают нарушения норм, допущенные либо ими самими, либо собеседниками"... [7, с. 306].

Признавая, что фактическая вариативность литературного стандарта коррелирует с параметрами социального статуса, пола и возраста носителей и что фонетико-фонологические характеристики их речи не релевантны принадлежности к standard English, П. Традгилл в свою очередь отстаивает "грамматичность" даже сниженных разговорных форм, заявляя: «Лишь в случае, когда десятилетний ученик замечает, что он не знает значение слова "национальность", можно говорить, что он еще не является носителем standard English, а не тогда, когда он использует фразу "I done it" или "I seen it"» [8, с. 72]. По его мнению, вместо категории standard English, ассоциируемой с понятием correct English (санкционируемым социальной элитой), следует оперировать понятиями common/uncommon English [8, с. 72].

Еще более решительно настроена Дж. Уиткат. Охарактеризовав некоторые особенности языковой ситуации в Великобритании, в силу которых "народно-разговорные" варианты произношения (особенно в школах и колледжах) известным образом потеснили престижное RP, (которого фактически придерживаются ныне около 3% англичан), и высказав критические замечания в отношении известного проекта "Survey of English usage at University College, London" (информантами последнего являются выпускники – носители standard English), она утверждает: «Хотя standard English и является престижным и нерегиональным вариантом среди других разновидностей, у него нет "дарованных богом" прав называется "the English language". Другие варианты... с давних времен являются достойными конкурентными формами, совсем не "испорченными"; они имеют собственные организованные грамматики» [16, с. 162].

Как бы подытоживая эти и другие утверждения о системном, нормированном характере SECE, проявляющемся в его функционировании, Д. Кристал и Д. Дейви подчеркивают: «Неформальность обстановки повседневного общения... неизбежно приводит к появлению в речи рыхлых конструкций, неполных высказываний, неграмматичности, стилистических колебаний и многих других лингвистических "ошибок", но все эти элементы остаются либо незамеченными, либо вполне допустимыми, – их можно назвать ошибками только с точки зрения норм официального общения или книжно-письменного языка» [3, с. 87].

Современная грамматика, по мнению составителей "English grammar for today. A new introduction" [17], должна учить не тому, «...как использовать письменные формы "хорошего английского языка" или говорить "правильно" (хотя в принципе в этом нет ничего плохого): грамматику следует рассматривать как механизм, лежащий в основе функционирования языка, используемого для того, чтобы люди могли общаться между собой» [17, с. 3]. Приведя далее пример разговорной фразы *Who did you give this to?* вм. прескриптивной *To whom did you give this?*, авторы пишут: "Если использование подобных фраз стало обычным явлением, то правила дескриптивной грамматики должны санкционировать это"⁴.

Аналогичные суждения высказывает Р. Хаддлстон [18]: «Главное возражение относительно прескриптивной традиции, – пишет он, – касается игнорирования ею того, что мы называем "вариативностью стиля". В большинстве случаев достаточно различать "официальный", "неофициальный" и "нейтральный" стили, например:

(1) *He advised us by whom it had been designed* (formal)

⁴ Эти положения, если их развернуть, по сути лежат в основе методологии коммуникативного обучения языку, о чем убедительно говорится в ряде работ (см. [3, 12, 13]).

(2) *Who had it been designed by?* (informal)

(3) *He knew who had designed it* (neutral)» [18, с. 48].

И далее: «В то время, как лексико-грамматическим элементам официального стиля присущи оттенки безличности, отчужденности, холодности и чопорности, неофициальный стиль ассоциируется с расслабленностью, дружелюбием, теплотой. Их различия аналогичны отличию вечернего костюма от повседневного» [18, с. 49].

Своеобразным итогом этой дискуссии служит высказывание Д. Кристала. Характеризуя труды Р. Куэрка как вызов "преобладающим традиционным взглядам, в известной мере не отражающим сути современного английского языка", Д. Кристал замечает: "Вызов состоит в побуждении к созданию модели, которая адекватно отражала бы разносторонние данные [о языке]. Ни в какой другой области игнорирование этого вызова не является столь огорчительным, как в области учета данных той разновидности английского языка, которая признается ныне в качестве основы повседневного поведения, а именно непринужденной повседневной речи (informal domestic conversation). Именно здесь разрыв между [ставшим стандартным] описанием и наблюдаемой реальностью является наиболее заметным" [19, с. 153]⁵.

Между тем по мнению представителей социолингвистики и этнометодологии, поднимаемая проблема не исчерпывается лишь ограничениями, накладываемыми на речь ("речевые события"/"речевые акты") правилами грамматики. Индивидуальный выбор речевых форм среди потенциально возможных может отражать семейное воспитание носителя языка, его сиюминутную интенцию, может идентифицировать его как южанина или северянина, горожанина или деревенского жителя, образованного или малообразованного. Он может отразить даже его желание выглядеть дружелюбным или отрешенным, панибратским или почтительным. Решению этой задачи, в частности, отвечает адекватное понимание соотношения language choice/social appropriateness.

Проблема "уместности" ("appropriateness"), особенно в соотношении с "грамматической правильностью", сложна и многоаспектна, но ее суть наглядно демонстрируют Дж. Браун и Дж. Юл [13]. Акцентируя важность учета этого фактора в реальной коммуникации, они пишут: «Единственным основанием, позволявшим судить о том, что эти люди [русские. – О.Г.] не являются носителями [английского] языка, была их грамматически безупречная речь... В этом отражается довольно странное понимание "речевого совершенства" ("a very odd notion of perfection"). Беседа иностранца с носителем языка в подобном ключе звучит так, словно вы обращаетесь не к повседневному собеседнику, а выступаете на публичном митинге, используя официальные обороты речи и точно формулируя свою мысль по вопросу, который вы обдумывали много раз до этого. Язык может быть *формально правильным*, но его форма безусловно *неуместной*, и реакция многих англичан при этом может быть далекой от проявления доброжелательности к тому, кто обращается к собеседнику так, словно перед ним аудитория» [13, с. 21–22]. Эти и другие социолингвистические исследования существенно дополняют представление о SECE, который рассматривается прежде всего как способ взаимодействия общающихся при учете предписаний и правил речевой коммуникации. Несмотря на громадный разброс мнений и взглядов, различие подходов и оценок, в них просматриваются некоторые общие моменты, в частности представление о том, что в основе реализации SECE неизбежно находится стремление коммуникантов к установлению и поддержанию доброжелательного контакта. Так, Ч. Гудвин полагает, что "для успешного ве-

⁵ С учетом сказанного не более как курьезом выглядит факт полного игнорирования существования informal English (и его особенностей) в University grammar of English [20], изданной для русских студентов, изучающих английский язык.

дения разговора от его участников требуется не только продуцирование высказываний, но и координирование своей части разговора с высказываниями собеседника в направлении, благоприятствующем ведению беседы" [21, с. IX]. Более категоричен Р. Уордх, утверждающий, что «разговор – это ... прежде всего "кооперативная акция"» [22, с. 1]. Далее он подчеркивает: "Участие в разговоре ... требует от обоих участников внимания к нуждам друг друга, в особенности к пожеланию не быть обиженным" [22, с. 2]. Синхронизация речевого и внеречевого поведения, детерминированного социокультурными и ситуационными факторами, лежит в основе национально-окрашенного и традиционного стиля общения, который, по словам Н. Маркела, "прокладывает русло, по которому движется поток диалогического общения" [23, с. 149]. Развитие этих положений наблюдается в работах М. Стаббса: «В нашем обществе, – пишет он, – существует правило, которое требует, чтобы интеракция проходила гладко, без затруднений. Поэтому пауз, умолчания следует избегать, а остальные моменты недопонимания друг друга должны быть сглажены. Коммуниканты моментально реагируют на любые отклонения от ведения беседы в этом ключе, предпринимая, если необходимо, [отчаянные] попытки, чтобы восстановить "ритуальное равновесие" (ritual equilibrium)» [24, с. 241]. М. Стаббс далее подчеркивает, что "отчаянные попытки" фактически излишни, поскольку в этом случае начинает действовать механизм саморегуляции интеракции, по образному выражению автора, "тщательно отрегулированный термостат, поддерживающий коммуникацию в желательном температурном режиме" [24, с. 241].

По мнению ряда исследователей, однако, "механизм саморегуляции", "доброжелательность", проявляющиеся в соответствующей "тональности общения" (и соответствующих вербальных и невербальных манифестациях) – далеко не однородные понятия. Они связаны с внутренним миром коммуникантов, с конкретной ситуацией общения и т.д. Так, в качестве важнейших составляющих внутреннего механизма функционирования речи Р. Лакофф выделяет четыре принципа: "принцип рациональности" (the principle of rationality) – говорящий предположительно высказывает разумные вещи, а если слушатель что-то недопонимает, он винит в этом прежде всего себя; "принцип выгоды" (the principle of benefit) – коммуникант настроен на получение какой-либо информации и/или на удовлетворение чувственно-эмоциональных и иных потребностей; "принцип ясности изложения" (the rules of clarity), "принцип взаимопонимания и согласия" (the rules of rapport) [25, с. 309].

Существенно, что в то время, как принцип ясности изложения обычно реализуется с помощью вербального кода, принцип взаимопонимания часто осуществляется с помощью невербальных средств. По мнению Р. Лакоффа, в повседневном общении "получение эмоционального удовлетворения оказывается большим благом, чем получение информации" [25, с. 309]. Автор делает вывод, что в случае необходимости выбора между "максимальной ясностью изложения" и "оптимальным благом" предпочтение отдается принципу взаимопонимания. "Одна из причин того, что мы нередко выражаемся не столь ясно, как могли бы, заключается в том, что мы опасаемся нарушить принцип взаимопонимания и согласия" [25, с. 309].

Как видно, приводимые выше суждения фактически перекликаются с известным "принципом кооперации" Г. Грайса, а положения об органической связи внутреннего мира человека, его психофизиологической структуры со специфическими речевыми манифестациями – с более ранними концепциями В. Гумбольдта⁶ [26]. Основное достоинство этого направления исследований состоит, видимо, в акцентировании важности учета так называемого "психо-

⁶ И даже учениями древних философов, если вспомнить, например, Гиппократ и его характерологическую классификацию личности.

логического фона", сопровождающего реализацию конкретного речевого акта, хотя это само по себе весьма существенно для понимания сути SECE. Рассматриваемое направление исследования, опираясь либо на абстрактные, либо на микрореконструктивные структуры, практически не дает ответа на основной вопрос интралингвистически – каким образом указанные принципы реализуются в конкретных речевых формах SECE, коррелируя с ними на всех уровнях языка.

Очевидным вкладом в описание разговорной речи являются исследования паралингвистических проблем, во многом опирающиеся на известные концепции Э. Сепира, Дж. Фэрга, З. Харриса и др. Хотя роль паралингвистики в формировании речевых форм SECE и в передаче содержательной, прагматической и индексальной информации известна, "разработка этих проблем, в частности, в рамках социалингвистики, до начала 70-х годов фактически игнорировалась" [14, с. 186]. Все более самостоятельными предметами анализа становятся ныне вокальные/невокальные, кинесические и проксемические средства, изучаемые в рамках взаимодействия с сегментными средствами при комплексном подходе. Своеобразный обзор этих работ содержится в исследовании Р. Бэрдвистела [27]. Ядром проблемы вокалических средств, по его мнению (поддерживаемому Д. Кристалом, Дж. Лейвером и др.), является фактор "качество голоса" (the quality of voice). В работе дается развернутая характеристика этого понятия, включая трехмерную таксономию (параметры "характера" голоса, включая смех, плач, стон, шепот, крик и др.; "квалификаторы" интенсивности, высоты подъема голоса, продолжительности речи и так называемые "разделители" – the vocal segregates). Подробно анализируются параметры кинесики и ее составляющих (kines, kinemorphs, kinemorphic constructions) «То, что мы обычно называем "жестами" – пишет автор, – например, "показать к.-л. нос", "покачать головой", "кивнуть", "гримасничать", "показать сжатый кулак", при детальном анализе оказываются специфически связанными кинеморфами... Их фактически следует рассматривать в качестве аналога "основы" в лингвистике (морфологии). В свою очередь паракинесика включает следующие параметры: квалификаторы двигательных реакций, модификаторы движения тела в ходе интеракции, индикаторы постоянного качества речевой деятельности коммуниканта» [27, с. 93]. Характеризуя высокую информативность паралингвистических параметров личности (говорящего), Бэрдвистел утверждает, что при адекватном анализе 20-секундный фрагмент звукового фильма иногда оказывается более информативным, чем иные многочасовые интервью. По его мнению, даже очень краткий фрагмент общения в "хорошо известном контексте" может служить основой для широких обобщений, которые затем могут подвергнуться систематизированному тексту. В свете современных концепций, данные так называемой статистики раскрывают не более 30–35% "социального значения" разговорного речевого произведения или интеракции, выраженных с помощью слов [27, с. 98]. Анализу аналогичных проблем паралингвистики посвящено также исследование Д. Голинджера [28], в котором подробно говорится, в частности, о комплексном взаимодействии "trio" (verbal language, visible gesture, audible gesture) в непринужденном общении. Он подразделяет параметр "жеста" на два основных типа: ["непроизвольные" (никто не учится смеяться, вскрикивать от испуга и т.д.) и "произвольные" (деланный смехок, "крокодилы слезы" и пр.)], включающие несколько подтипов: лексические (хм-м, ага и пр.), иконические (бз-зз – пчела, та-та-та – пулемет и т.п.) и др. Подчеркивается национально-культурный характер норм, инвариантность их проявления в соответствии с ролевыми ожиданиями, появления определенных речевых стереотипов и клише. Дополняет знания паралингвистики описание проксемических факторов, подробно исследуемых в труде Э. и М. Холл [29]. Особое внимание в этой работе уделяется "качеству голоса", синтезирующему высоту подъема, громкость,

продолжительность, а главное, тембр. "Фонетическая теория, которая ориентирована на получение адекватных данных о разговорной речи, – считает Дж. Лейвер, – не может не принимать во внимание фактор качества голоса" [30, с. 5]. По его мнению, этот фактор может проявляться постоянно (идентификация конкретного говорящего) или одномоментно ("тембровая окраска" положительного/негативного диапазона) и использоваться в сочетании с сегментными элементами. Как свидетельствуют исследования П. Традгилла, качество голоса – достоверный социолингвистический индикатор, коррелирующий с социоситуативной стратификацией английского языка в Великобритании [31]. Он полагает, в частности, что качеству голоса менее образованных носителей языка присущи более высокий подъем тона, более интенсивная громкость, скрипящий тембр, несколько выдвинутое и опущенное положение языка и другие нюансы.

Качество голоса в ряде работ ассоциируется с тональностью высказывания ("tone of voice"), предопределяющей выбор речевых форм MESE/SECE, в особенности когда последние не противоречат ролевым ожиданиям⁷. "В процессе разговорного общения, – указывает Д. Кристал, становятся очевидными разграничительные особенности [используемых речевых элементов. – О.Г.], многие из которых являются супrasegmentами, ассоциируемыми с социальными ролями коммуникантов, уровнем формальности и объектами речевой ситуации" [33, с. 84].

Чрезвычайно существенными для идентификации и конституирования SECE с позиций тональности общения, ее связи с коммуникативным замыслом и интенциями говорящего, а также ее материализации в реальных единицах и структурах языка оказываются исследования Р. и С. Сколлон и Т. ван дер Гееста: «Мы все знаем о таком явлении, как "тональность голоса" (tone of voice), – говорят Р. и С. Сколлон. Мы можем сказать: "Меня огорчает не то, что он сказал, а как он сказал это". В значительной степени наше восприятие базируется на способе передачи информации, который включает просодическую структуру интонации, темп речи, уровень громкости либо относительную высоту подъема. Это может быть также реализовано грамматически, например, изменением порядка слов, или морфологически, путем добавления суффиксов, префиксов или отдельных слов, усиливающих высказывание эмфатически» [34, с. 162].

По мнению Т. Гееста, "...тональность и интонация во много раз более существенны для окончательной интерпретации интенций говорящего, чем вербальный компонент. Это положение справедливо особенно тогда, когда оба эти компонента находятся в оппозиции друг к другу. В других случаях, если интонация и тональность не добавляют ничего нового, их учет становится излишним в том смысле, что ни говорящий, ни слушающий могут не придавать им особого значения" [35, с. 100].

Приводимые фрагменты анализа качества голоса имплицитно подкрепляют выдвигаемый исследователями разговорной речи тезис о главенствующей роли тональности высказывания⁸ (conversational tone of voice) в инициировании структур английской литературно-разговорной речи, всесторонняя характеристика которой дается, в частности, в работах Дж. Браун и Дж. Юла [12–14].

Дж. Браун [12], отмечая расхождения между "academic English" и "authentic English", критикует заблуждение относительно того, что можно научить разго-

⁷ Не все с этим согласны. У. Дабов, например, склонен игнорировать non-segmental phenomena на том основании, что они не поддаются количественному анализу [32].

⁸ В свою очередь она является вектором "установки на разговорность" (мотивов, интенций) говорящего, но детерминирована вместе с тем конситуацией высказывания. См. об этом более подробно [36].

ворной речи, лишь увеличив темп речи, преобладающей в классе (*slow colloquial speech*), ибо последняя радикально отличается от живой речи. Высказывается принципиальное утверждение: "официальный риторический стиль" (базирующийся на *slow colloquial*. – О.Г.), почти исчез из публичного общения. Вместо него ораторы используют ныне непринужденный разговорный ("*chatty*") стиль. Это справедливо также и в отношении выступающих по радио и телевидению. Даже дикторы Би-Би-Си, некогда строго придерживавшиеся стандарта, поддались этой тенденции: вместо обращения к слушателям в отстраненно-прохладной манере каких-нибудь 10 лет тому назад они заканчивают известия шуткой и улыбкой [12, с. 3].

Авторы трудов [13, 14] исследуют структурно-функциональные особенности SECE с позиций теории анализа дискурса. По их мнению, SECE функционально подразделяется на структуры преимущественно интеракционного общения (установление и поддержание доброжелательного контакта) и преимущественно транзакционного общения.

Информативная ценность интеракции, как правило, незначительна, она ориентирована на слушателя (*listener-oriented*) и реализуется в основном с помощью моносементных структур (*short turns*) [13, с. 17]. Часто участники подобных контактов не вслушиваются в реплики и, если что-нибудь не поняли или пропустили, делают вид, что следят за говорящим, понимающе кивают (паллиатив внимания). Совсем иная целеустановка при транзакционных речевых контактах. Сообщение какой-либо информации ориентировано прежде всего на план содержания (*message-oriented*). Важны детали и адекватное понимание всего сообщения. Возможны переспросы, уточнения, не исключены письменные заметки со стороны слушателя. Основой структуры являются полисементные высказывания (*long turns*). Структурно и семантически SECE подразделяется на несколько видов:

Phatic I (контактно-устанавливающие формы) типа *greeting – greeting, farewell–farewell, polite request – gratification* и др.;

Phatic II (*small talk* "светский разговор") – особая форма, отличающаяся ритуализованностью, обработанностью (иногда эlegantностью) плана выражения;

Meaningful talk (собственно транзакционное общение), требующее овладения достаточно сложными речевыми структурами, чтобы быть способным ясно и непринужденно выражать свои мысли и чувства [13, с. 19].

Руководствуясь теорией "Анализ дискурса", в своем другом труде авторы выходят за пределы отдельного высказывания, "речевого акта", обоснованно полагая, что адекватное представление об этом явлении (SECE) может быть достигнуто лишь при анализе реального речевого обмена, который, как правило, имеет большую протяженность. Определяя "текст" разговорного дискурса как "вербальную фиксацию коммуникативного акта" [14, с. 11], они рассматривают его как сплав продукта и процесса, в котором определенная коммуникативная цель (*intended message*) материализуется комплексом вербальных и паралингвистических средств. Для адекватного понимания "текста" разговорного дискурса приходится учитывать и такие компоненты, как посторонние шумы (шум улицы, звук работающего мотора или отодвигаемых стульев, чьи-то голоса, покашливание говорящего и т.п.), поскольку последние характеризуют конситуацию.

Категориями и структурно-лингвистическими характеристиками SECE авторы считают: компрессию и избыточность (реализуемые в импликационных/экспликационных структурах), стремление к стереотипизации и шаблону, использованию "готовых речевых блоков", с одной стороны, и к неограниченному стремлению к речетворчеству – с другой⁹; явление "неграм-

⁹ Что почти полностью согласуется с данными исследований русской разговорной речи [15].

матичности" (сбивчивость речи, использование "заполнителей пустоты", самоперебивы и коррекцию высказывания под влиянием обратной связи); неравномерную паузацию; неравномерность сжатия содержания высказывания, элизия на всех уровнях и пр.¹⁰. Основной единицей структуры считается относительно завершённый фрагмент монологического или диалогического высказывания (*chunk*), а минимальной несвязанной единицей последнего – "шаг дискурса" (*move*). Единицы традиционного синтаксиса (*sentential syntax*) для целей анализа не подходят, что очевидно из следующей тривиальной реплики диалога (описания части города): "...it's quite nice just now the Grassmarket since + it's always had the antique shops but they're looking + they're sort of + em become a bit nicer and they've got the fair down there too which is + "... [13, с. 16]. Содержательный анализ подобного дискурса может опираться не столько на формулу *subject, predicate, object (SPO)*, сколько на предлагаемую Дж. Гайвоном схему *topic --> comment*.

Опираясь на выдвигаемую Т. ван Дейком концепцию "принимаемой разумности устройства окружающего мира" (*the assumed normality of the world* [38]), авторы пытаются на основе выделения повторяющихся элементов вывести общие закономерности структуры и функционирования в таких различных жанрах и типах SECE, как *chat, debates, news broadcast fragments* и пр.

Особое внимание уделяется сложной проблеме тематического компонента (*topic*) и роли последнего в иницировании и поддержании речевого контакта (*speaking topically*), смене тем (*topic-shift*) и его завершении.

В отличие от этнометодологов и этнографов (Х. Сакса, Е. Щеглова, Д. Хаймса) и лингвофилософов (Дж. Остина, Дж. Сирля, Г. Грайса), исследования Дж. Браун и Дж. Юла, как и работы Дж. Синклера, Р. Коултхардта (Бирмингемский центр изучения разговорной речи) и других ученых, ориентированы на выявление, описание и систематизацию прежде всего собственно лингвистических данных живой речи, в частности, с позиций анализа дискурса.

Существенным фактором, отражающим укрепление позиций устной коммуникации, является набирающий силу процесс ее кодификации: растущее признание и обоснование во многих исследованиях ее существования и роли в системе национального языка, появление серии учебников (*Cambridge textbooks in linguistics*) и учебных пособий (типа [39, 40]), базирующихся на записях живой речи, лексикографических руководств (типа [41, 6]), кодификация относительно типизированных произносительных, словообразовательных, синтаксических и структурных особенностей (в [37]) и в новейших выпусках оксфордских словарей и дополнениях к Большому оксфордскому словарю.

Приходится, однако, с сожалением констатировать, что пока не предпринималось попытки глобального междисциплинарного описания SECE как целостного феномена. Продолжают оставаться дискуссионными проблемы границ SECE, в особенности верхней границы (в отличие от речевых форм устно-литературной подготовленной/полуподготовленной публично-ориентированной речи), оппозиции близких, но принципиально различных понятий "разговорная речь": "разговорный стиль"; выявление того, что лежит в основе реализации речевых форм именно SECE, а не *soskleu* или MESE (в тех случаях, когда этот выбор потенциально возможен), и др.

Красной нитью в рассмотренных выше исследованиях проходит мысль об относительности достигнутого уровня понимания сложной природы SECE – реально функционирующей разновидности современного английского языка.

¹⁰ См., например, о кодификационных суждениях в [37, с. 52].

1. *Coman A., Shephard R.* Language is! London; Sydney, 1972.
2. *Galperin I.* Stylistics. M., 1977.
3. *Crystal D., Davy D.* Advanced conversational English. Essex, 1981.
4. *Quirk R.* Style and communication in the English language. L., 1982.
5. *Birchfield R.* The English language. Oxford, 1985.
6. *Birchfield R.* The spoken word. L., 1980.
7. Variation in the form and use of language / Ed. by Fasold R. Washington, 1983.
8. *Trudgill P., Hannah J.* International English. L., 1982.
9. *Abercrombie D.* Studies in phonetics and linguistics. Cambridge, 1965.
10. Language and communication / Ed. by Richards J. and Schmidt R. L., 1985.
11. Communication in face-to-face interaction / Ed. by Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth, 1972.
12. *Brown G.* Listening to spoken English. L. 1977.
13. *Brown G., Gule G.* Teaching the spoken language. L., 1983.
14. *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge; London, 1983.
15. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М., 1983.
16. *Whitcut J.* English, my English? N.Y., 1983.
17. *Leech G., Deuchar M., Hoogenraad R.* English grammar for today. A new introduction. L., 1982.
18. *Huddleston R.* Introduction to grammar of English. Cambridge, 1984.
19. *Crystal D., Greenbaum S., Leech G. et al.* Studies in English linguistics. L., 1986.
20. *Quirk R., Greenbaum S., et al.* A university grammar of English. L., 1982.
21. *Goodwin Ch.* Conversational organization. Interaction between speakers and hearers. N.Y.; L., 1981.
22. *Wardhaugh R.* How conversation works. Oxford, 1985.
23. *Markel N.* Conversational styles and expression of power and solidarity // The linguistic connection / Ed. by Casagrande J. N.Y., 1983.
24. *Stubbs M.* Discourse analysis. The sociolinguistic analysis of natural language. Chicago, 1983.
25. *Lakoff R.* Psychoanalytic Discourse and ordinary conversation // Variation in the form and use of language / Ed. by Fasold R. Washington, 1983.
26. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
27. *Birdwhistel R.* Paralanguage twenty-five years after Sapir // Communication in Face-to-face interaction / Ed. by Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth, 1972.
28. *Bolinger D.* Aspects of language. 3-d ed. N.Y., 1981.
29. *Hall E.M.* The sounds of silence // Language: concepts and processes / Ed. by De Vito J. N.Y., 1973.
30. *Laver J.* The phonetic description of voice quality. Cambridge, 1980.
31. *Trudgill P.* The social differentiation of English in Norwich. Cambridge, 1974.
32. *Labov W.* The logic of non-standard English // Language and social context / Ed. by Giglioli P. N.Y., 1973.
33. *Crystal D.* The English tone of voice: Essays in intonation, prosody and paralanguage. L., 1975.
34. *Scollon P., and S.* Face in interethnic communication // Language and communication / Ed. by Richards J. and Schmidt R.L., 1985.
35. *Greest T.* Some aspects of communicative competence and their implication for language acquisition. Amsterdam, 1975.
36. Орлов Г.А. Современная английская речь. М., 1991.
37. *Crystal D.* The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987.
38. *Dijk T. van.* Handbook of discourse analysis. V. 1-4. L., 1985.
39. *O'Neil R., Scott R.* Viewpoints. Interviews for listening comprehension. Hong Kong, 1979.
40. *Ur P.* Teaching listening comprehension. Cambridge, 1984.
41. *Wood F.* Dictionary of English colloquial Idioms. L., 1979.